

Юрий Коваленко, «Новые Известия», из Парижа

2000. — 8 июня. — с. 7.

Светланов, которого мы потеряли?

С Евгением Федоровичем Светлановым мы встретились в Париже на следующий день после его блистательного концерта в театре «Шанз Элизе» с Национальным симфоническим оркестром Франции. Сейчас Светланов напоминает короля Лира. Одиноким, растерянным, покинувшим свое Отечество, которое, по его словам, теперь не приносит ему «ничего, кроме страданий».

— Давайте вернемся к вашему отлучению от Государственного симфонического оркестра России, с которым вы проработали 35 лет. Рана зарубцевалась или продолжает ныть?

— За такой короткий срок рана не может зарубцеваться, даже если прилагать к этому все усилия. Требуется обязательно какое-то время и терапевтические методы. Прямо скажем, я не ожидал такого исхода.

— Ваше увольнение было личной инициативой министра культуры или же он, на ваш взгляд, выполнил чью-то волю?

— Я мало знаю Швыдкого, хотя у меня дома в библиотеке есть его книга, посвященная западноевропейскому театру, с очень теплой надписью. Это не значит, что между нами были дружеские отношения, но такой факт имел место. Я не могу сказать, что Швыдкой человек твердый, принимающий решения самостоятельно, не опираясь ни на какие источники и авторитеты. Мне кажется — может, я ошибаюсь, — что это как раз человек, который без сигнала сверху не предпримет ничего. Тем более вряд ли рискнет по личной инициативе задвинуть в никуда первого дирижера России.

— Но вы, кажется, имели встречу с министром культуры до вашего увольнения?

— Когда в беседе с ним я пожаловался, что попытка работать с другими оркестрами, а мне везде отказали, Швыдкой сказал: «Что же вы удивляетесь? Ни один московский оркестр с вами выступать не будет». Я спрашиваю: «Почему? Что я стал плохой, никуда не годусь? Меня на помойку?» — «Нет, совсем не то... Ну как вам сказать? Я думаю, что среди оркестровых музыкантов существует некая солидарность». «Подозревая», что со мной никто не будет работать, и одновременно издавая приказ о моем увольнении, Швыдкой фактически издал приказ о моем выселении из России, о том, чтобы обресть меня на безработицу на родине.

— Вы считаете себя изгнанником?

— В будущем сезоне у меня, как дирижера, нет работы в России. Я, конечно, могу сочинять музыку, сидя на даче. Хотя кому она нужна — это тоже вопрос нелишний. Что же прикажете мне делать? Навязываться? Просить? Умолять? Это не в мо-

«Эмигрантом я не буду никогда!»

ем характере. Да и потом получить отказ вдвойне тяжело.

— Но на вас исключительный спрос на Западе. Вас приглашают лучшие оркестры мира, так что без работы уж вы никак не останетесь.

— Совершенно верно. Я считаю, что от моего увольнения больше всего пострадает именно Госоркестр, который, по-моему, как художественный ансамбль полностью нивелирован. Он смешался с гущей из 30 оркестров, которыми располагает Москва. Назовите мне другую столицу, где было бы столько оркестров. Так что пострадали музыканты, и они еще убедятся в этом. А я страдаю по-иному. На Западе у меня есть работа и будет, пока я могу что-то делать. Но вы же понимаете, что меня, который отдал 72 года жизни своей стране, выпустил Антология русской музыки и сделал около 2000 записей, всего лишили. Ни за что ни про что. Уволен я не в силу каких-то художественных обстоятельств, а по

КЗоТу — как выяснилось, за неявку на работу.

— Вы допускаете возможность примирения?

— Если вы имеете в виду Госоркестр, это исключается. Потому что оркестр, который сегодня существует, — это дискредитация всей моей деятельности. Коллектива, который по признанию мировой критики был одним из лучших в мире, больше нет. Не о примирении идет речь. Я ни с кем не ссорился. Я человек исключительно миролюбивый, но незащищенный, ранимый и глубоко уязвимый этими акциями.

— Все мосты сожжены, и в России вы больше выступать не будете?

— У меня там больше ничего нет, и никого это не волнует... Музыканты, которые ко мне очень хорошо относятся и по сей день, запуганы. Там сейчас атмосфера полного террора со стороны захватившей власть кучки. Нашелся единственный музыкант, не побоявшийся высказать свое мнение, так его уже за это убрали.

— Неужели среди нашей музыкальной общественности не нашлось ни одного известного деятеля, кто стал бы на вашу защиту?

— Мне это не известно. Как будто бы несколько выдающихся людей, не только музыкантов, составили письмо, подписали его и направили президенту России. Ответа не последовало. Далее, я лично послал письмо Путину, оно было напечатано в трех газетах, но ответа не получил. Никакой реакции — даже из аппарата президента.

Мне больше ничего не остается, как работать вне России. Но я должен со всей откровенностью сказать, что не к этому я стремился, не об этом мечтал, и если мне придется на закате жизни пробавляться на Западе, то для меня это просто ужасно.

— Предположим, что в один прекрасный день появится неведомый спонсор и скажет: «Евгений Федорович, у меня есть возможность вас поддержать и создать для вас оркестр, только возвращайтесь в Россию»...

— Если бы нашелся спонсор да создали новый оркестр, я, конечно бы, не отказался. Но начнем с того, что я в отличие от многих других музыкантов не уезжал из России и не считая себя уехавшим. Не надо спешить. Да, я часто бываю на Западе, но не чаще, чем мои коллеги. В России же я работал всегда на износ. В Большом театре поставил «Псковитянку», продиржировал для Ирины Архиповой по ее просьбе «Пиковую даму», а на Пасху — впервые в России — огромной ораторией Листа «Христос». Трудился дома все последние годы абсолютно бесплатно, не получал ни одной копейки и все, что мне причиталось, отдавал оркестру. Я ненавижу говорить на эту тему, но хочу, чтобы это знали.

— Поддержали ли вас в трудную минуту друзья и коллеги?

— Единственный, кто поддержал меня: прислал письмо, позвонил, — это Владимир Спиваков. И он же предложил мне карт-бланш со своим оркестром, за что я ему очень благодарен. Но я сообщил ему о нашем разговоре со Швыдким, предупредившим, что ни один московский оркестр со мной играть не будет. Пусть Спиваков об этом знает — а то я приду, а там либо оркестра не будет, либо забастовка, либо худсовет скажет: «Нет, мы с ним выступать не хотим!».

— Вы бы, наверное, могли поставить что-нибудь в Большом?

— Когда состоялась премьера «Псковитянки», то заместитель директора Большого театра Коконин вышел на сцену и объявил, что решением руководства ГАБТа Светланов назначается почетным дирижером Большого театра и что это делается впервые в истории. Однако на мою просьбу дать поставить «Чио-Чио-Сан» Пуччини Владимир Викторович Васильев, мною очень уважаемый и высоко чтимый, сказал, что такой возможности нет. Все забыто. Возможно, через сезон. Что с того, что я почетный дирижер, когда мне ничего делать не дают?

— Если предложений из России не последует, вы останетесь эмигрантом?

— Эмигрантом я не буду в любом случае, в том смысле, в каком у нас это принято считать. Я буду лежать на Ваганьковском кладбище, в родной земле. Что же касается творчества, то это теперь не от меня зависит. Многие могли бы поправить дело, им это ничего не стоило бы — тому же Швыдкому, правительству, президенту, его аппарату. Мановенные пальцы, и все бы стало на место. Но никто этого не делает, даже бровью не поведет. Это ужасно. Что же им, все равно? Ну ладно, я Светланов, всего лишь единица, но неужели им наплевать на то, что гибнет первый оркестр страны?

Запад сразу воспользовался увольнением Евгения Светланова, считая, что получил от Москвы неожиданный подарок. Так сказал мне после беседы с маэстро его французский импрессио. Многие престижные оркестры, которые не могли раньше пригласить выдающегося дирижера в силу нехватки у него времени, сейчас включили его выступления в свои программы до 2003 года. Светланов совершит поездку по Северной Америке, выступит в Германии — ведутся переговоры с Берлинской филармонией и еще с одним немецким оркестром. Он получил несколько предложений от англичан и выступит в «Ковент-Гардене», будет дирижировать оркестрами Би-би-си и Лондонской филармонии. Кроме того, продолжит концерты с оркестрами Французского радио и Национальным оркестром Франции, которые хотят сделать с ним абонементные серии на пять лет вперед. Наконец, Светланов будет дирижировать оперой. Есть проект постановки «Чио-Чио-Сан» в 2002 году в оперном театре города Монпелье, а затем, возможно, и в Парижской опере.